

УДК 321

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-2/117-127>

В.А. Подольский*

УЧЕНИЯ Ф.Р. ДЕ ЛАМЕННЕ И Ф. ЛЕ ПЛЕ: ДВА ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX В.

В статье рассматриваются социальный католицизм и корпоративизм как два направления политической философии во Франции, в наибольшей мере отражающие развитие социальной политики в этой стране. Автор исследует социальную проблематику в интеллектуальном наследии священника и публициста Ф.Р. де Ламенне, который перешел от консервативных взглядов к радикальным, и инженера и социолога Ф. Ле Пле, который обосновал французский феодальный традиционализм с помощью научного подхода.

Ключевые слова: Ф.Р. де Ламенне, Ф. Ле Пле, социальная политика, политическая философия, консерватизм, корпоративизм

The theories of Félicité de Lamennais and Frédéric Le Play: two approaches to social policy in French political philosophy of the XIXth century. VADIM A. PODOLSKIY (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article focuses on social Catholicism and corporatism as two doctrines within French political philosophy that reflect the development of social policy in this country to the greatest extent. The author explores social issues in the intellectual heritage of Félicité de Lamennais, a priest and a publicist, who moved from conservative ideas towards radicalism, and that of Frédéric Le Play, an engineer and sociologist, who substantiated French feudal traditionalism with the help of scientific approach.

Keywords: Félicité de Lamennais, Frédéric Le Play, social policy, political philosophy, conservatism, corporatism

Французская политическая философия в XIX в. уделяла много внимания проблемам, связанным с социальной политикой. Для современной науки ценно изучение размышлений французских авторов о государственной активности, роли социальных сил и закономерностях в сфере социальной поддержки, в том числе

для оценки структуры, эффективности и перспектив преобразования институтов. Цель данной статьи – проанализировать ключевые идеи французских мыслителей, чьи рассуждения сопровождали и предвосхищали становление одной из наиболее масштабных систем социальной политики в мире. Для анализа развития

---

* ПОДОЛЬСКИЙ Вадим Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

E-mail: deomniscibili@yandex.ru

© Подольский В.А., 2023

французской политической философии, социальной доктрины католической церкви, логики социальной политики во Франции в статье будут рассмотрены взгляды Фелисите де Ламенне (1782–1854), основателя социального католицизма, и Фредерика Ле Пле (1806–1882), представителя корпоративизма.

Философские, социальные, экономические и религиозные идеи де Ламенне и Ле Пле хорошо изучены во французской науке, описано их место в развитии социального католицизма [11; 12]. Из последних трудов историков может быть отмечена работа Эме Решара, который указывал, что де Ламенне предшествовал Марксу, защищая рабочих и бедных. Ришар описал биографию, публицистическую деятельность де Ламенне, его попытки улучшить качество катехизаторской работы священников, сложные отношения с Римом и политическую активность. В книге о де Ламенне показана его роль в привлечении социальной проблематики в центр внимания христианских мыслителей, его влияние на ту линию рассуждений, которые привели к созданию папой Римским Львом XIII энциклики «О новых делах» в конце XIX в. и определили позицию католической церкви относительно социальных вопросов [8].

Историк Жан-Люк Буасезон в сборнике, посвященном Фредерику Ле Пле, предпринял попытку осмыслить место Ле Пле в развитии консервативной идеологии. Он показал связь его идей с учением Сен-Симона, провел параллели с идеями де Бональда и Эдмунда Берка, а также подчеркнул роль Ле Пле в становлении корпоративистского направления французского консерватизма второй половины XIX в. Буасезон описал политическую биографию Ле Пле и продемонстрировал изменение взглядов мыслителя и его административную активность, отношение его современников к его деятельности и идеям. Исследователь также реконструировал логику, которой руководствовался Ле Пле, когда излагал свои предложения о реформах и вслед за Монтескье указывал, что изменения производят не только законы, но и нравы [9]. В работе Магелона Нувеля изучены предложения о социальной реформе Ле Пле в их идеологическом, политическом, социальном и экономическом контекстах, а также его роль в развитии социологии. Нувель рассмотрел разработку методов Ле Пле, приобретение им репутации социального исследователя и дебаты относительно социальной

проблематики, следовавшие за публикацией его работ [20].

Число англоязычных сочинений, посвященных де Ламенне и Ле Пле, невелико: они фокусируют внимание на радикальных идеях де Ламенне [21] и традиционализме Ле Пле [10]. На русский язык в дореволюционный период были переведены такие работы де Ламенне, как «Слова верующего» [4] и «Современное рабство» [5]. Историки С.А. Котляревский и Н.П. Анциферов изучали наследие де Ламенне в начале XX в., и с тех пор исследований о его творчестве не издавалось [2]. Известный консерватор К.П. Победоносцев перевел и прокомментировал работу Ле Пле «Основная конституция человеческого рода» [6] в конце XIX в. Позднее в России о Ле Пле в основном выходили статьи по социологии семьи.

Политические и религиозные взгляды де Ламенне менялись на протяжении его жизни. В юности он индифферентно относился к религии. Под влиянием своего брата, который был аббатом, он стал священником [7], но в основном занимался философией, повторяя идеи Руссо об общей воле, и публицистикой, принесшей ему популярность. В годы реставрации он приблизился к консервативному романтизму в духе Шатобриана. Королевскую власть, впрочем, он воспринимал инструментально, как средство защиты церкви. В 1820-е гг. он уже не был сторонником монархии. Де Ламенне видел в либерализме средство создания конкурентной интеллектуальной среды как условия для торжества католицизма. Он критиковал галликанство, считая Рим гарантом стабильности, единства и порядка. Он возражал против контроля государства над церковью [21, р. 44–46] и назначения государством епископов и считал, что церкви следовало отказаться от получения государственных выплат, чтобы приобрести свободу [21, р. 80–81]. В своем раннем «Эссе о безразличии к религии» он защищал абсолютную духовную власть Папы [8]. Для популяризации своих идей де Ламенне создал образовательное учреждение и издавал газету. В 1830-е гг. перешел к критике деспотизма [21, р. 54–57], придерживался республиканских и демократических взглядов [21, р. 70]. Его активность воспринималась роялистами как угроза, а римский престол в середине XIX в. поддерживал монархии. Канцлер Австрии Меттерних использовал дипломатию для давления на газету де Ламенне. Католические издания

критиковали де Ламенне за несоблюдение иерархии [21, р. 110–114]. Он пытался обратиться к Риму за поддержкой, но папа осудил его доктрины, хотя де Ламенне был одним из главных представителей ультрамонтанства во Франции. Из-за продолжения критики со стороны католических газет де Ламенне ожесточился и опубликовал работу «Слово верующего» с осуждением королей и притеснителей бедных [21, р. 131–145] и призывами к восстанию против несправедливости во имя Евангелия [8]. После этого Рим опубликовал критику непосредственно де Ламенне и его доктрины «общего разума» как антипода папского авторитета [21, р. 140]. Де Ламенне удалился от католической церкви, сохранив христианские идеи. Был депутатом в Национальном собрании 1848 г. [8]. По мере изменения мировоззрения де Ламенне социальная проблематика занимала все более значимое место в его иерархии ценностей. Начав с попыток защитить религию в постреволюционной Франции, он перешел к проблемам свободы и справедливости [21, р. 39].

Де Ламенне следует за Руссо и утверждает, что равенство естественного состояния было нарушено при создании государства из-за злоупотреблений лиц, наделенных властью [14, р. 73–75], а причина социальных бедствий в том, что высшие сословия не выполняли делегированные им обществом обязанности по управлению, а принимали законы, обеспечивавшие их материальное благополучие, и защищали свои права за счет имущества и прав народа [14, р. 22]. Де Ламенне убежден, что материальных благ в мире достаточно, а нищета масс – следствие изъятия плодов их труда привилегированными сословиями [14, р. 18]. Он воспроизводит рассуждение Иоанна Златоуста о разделении народа на богатых и бедных [3, с. 554–566], указывая, что трудящиеся создают продукты, используемые богатыми, которым пришлось бы трудиться самим, если бедные вдруг исчезли бы. Трудящиеся, по его мнению, и составляют народ [14, р. 27]. При упразднении привилегий, рассуждает де Ламенне, трудящиеся станут хозяевами мира [14, р. 173], в том числе благодаря численному превосходству [14, р. 33]. Он защищает свободу экономической деятельности [14, р. 185], но критикует эгоизм либерализма *laissez-faire*. По его мнению, общество эгоистов, воспеваемое английскими экономистами, обречено. Если каждый будет предоставлен сам себе, то не сможет

воспользоваться своими правами. Нуждающиеся останутся без помощи. «Вдова, сирота, больной, немощный, будут покинуты, никакой взаимной помощи, никакой бескорыстной доброты», – пишет де Ламенне [14, р. 43–44]. Положение трудящегося будет хуже, чем у раба, имевшего еду и кров [14, р. 19]. Эгоизм мешает задаче человека – устроить царство свободы, равенства и братства на земле [14, р. 33]. Де Ламенне считает, что без структурных изменений усилия частных лиц по перераспределению благ не приведут к исправлению фундаментального принципа несправедливости [14, р. 35]. Он скептически относится к такой устоявшейся форме социальной поддержки, как богадельни, считая их элементом несправедливой организации общества и лишь слабым утешением при крайней нужде [14, р. 20]. Де Ламенне говорит о праве на прожиточный минимум [21, р. 95]. По его мнению, право на жизнь и свободу человек имеет от Бога [14, р. 41], а для сохранения общества необходимо сочетание прав, которые освобождают, и обязанностей, которые объединяют [14, р. 46].

Он критиковал оба направления традиционалистской легитимизации патернализма во Франции: и идею королевской власти, и идею родовой аристократии. Несмотря на заверения в отеческой заботе государя, сохраняются нищета, угнетение и произвол, пишет де Ламенне. Он рассуждает: «Все люди рождаются равными, и, следовательно, независимыми друг от друга: никто, попадая в этот мир, не приносит с собой право повелевать. Если бы всякий был бы изначально обязан подчиняться воле другого, не могло бы существовать ни моральной свободы, ни свободного выбора действия; не существовало бы ни преступления, ни добродетели, поскольку добродетель зависит от свободного выбора между добром и злом» [14, р. 68–70]. Люди равны по природе и не имеют господина, кроме Бога [14, р. 56]. Единственным сувереном он считает народ и убежден, что бунт народа ради восстановления своих прав допустим. Само словосочетание «бунт народа», по его мнению, – это оксюморон, поскольку суверен восстает не против себя, а против угнетателей [14, р. 73–75]. Считая народ дикарем, неспособным к законодательной деятельности и управлению, власти оправдывают свои привилегии и притеснение народа и противоречат духу братства, заповеданному Богом. Разделение на патрициев и плебеев, по-

явление королей произошло после возникновения народа, рассуждает де Ламенне, и первичность народа как источника привилегий и законов очевидна. Право народа состоит в том, чтобы им никто не правил, продолжает он [14, р. 79–82]. Де Ламенне защищает равноправие как необходимый атрибут порядка, но допускает экономическое неравенство вследствие природной разницы способностей, изменения состояний из-за трудолюбия, разумности, активности, экономии. И такое неравенство, пишет де Ламенне, справедливо, поскольку применение способностей индивида для улучшения его благосостояния – условие общего благополучия [14, р. 169–170].

До того как удалиться от церкви де Ламенне считал, что именно она должна быть агентом социального обновления. Он надеялся, что священники обеспечат улучшение отношений между рабочими и работодателями, призывал католиков направлять демократические и социальные усилия масс [21, р. 92–96], предвосхищая идеи Эмиля Келлера [19, р. 10], указывал, что экономические проблемы населения привели к снижению их религиозности [21, р. 147], и призывал государство обеспечивать свободу объединений и заботиться о бедных для распространения католицизма [21, р. 95]. Свобода без католицизма – это своеволие и хаос, рассуждал он [21, р. 82]. Религию он считал основой общества, благодаря ей возможны подчинение, общественный мир, единство и свобода. Христианам, пишет де Ламенне, мир обязан отменой рабства, развитием морального чувства, смягчением манер и законов, развитием науки, ростом благосостояния [14, р. 149–150]. Для сохранения общества оно должно быть выстроено по божественным правилам, убежден он [21, р. 39–40]. Церковь освобождала человека от подчинения любому государству, идущему против божественного закона [21, р. 55], и, по мнению де Ламенне, должна была служить обществу [21, р. 96].

Позднее де Ламенне воспринимал служение обществу уже как самодостаточную цель. Отсылая к общей воле как источнику суверенитета, он использует коллективистские категории. Стране, пишет де Ламенне, принадлежит все, чем является человек, и все, что у него есть – сердце, руки, блага и даже жизнь [14, р. 135]. Он призывает к преодолению эгоизма и на национальном уровне и превращению братского общества в союз всего человечества [14, р. 91].

Де Ламенне считает, что из-за эгоизма правительства порочны, а эти пороки ведут к войнам и бедствиям. Если все будут защищать свои права и исполнять свои обязанности, то, пишет он, «человеческая раса более не будет собственностью немногих хозяев, а земля не будет их исключительным наследством. Все разделят блага, предназначенные провидением для всех» [14, р. 168]. Бедствия прекратятся, а оставшиеся станут менее тягостными, убежден де Ламенне, у всех будут телесная и духовная пища [14, р. 83]. Он считает, что большая часть преступлений происходит из-за голода, и они исчезнут, когда исчезнет голод. Также должно смягчиться законодательство, поскольку, по мнению де Ламенне, жестокость наказаний не возмещает ущерба обществу, а милосердные законы смогут стать средством для просвещения и исправления пагубных последствий неравенства и неблагоприятных условий [14, р. 176–180].

Политическая организация общества согласно его подлинной природе и христианскому равенству прав, восстановление суверенитета народа, упразднение искусственного неравенства, связанного с привилегиями и монополиями, и преодоление предрассудков с помощью общего разума останоят борьбу интересов, обеспечат справедливость и защитят права всех, в том числе свободных ассоциаций. Восстановление, которого Бог велит желать, будет осуществляться через материальный, интеллектуальный и моральный порядок, пишет де Ламенне. Высвобождение производительных сил приведет к естественному, равномерному и справедливому распределению и возрастанию капитала, доступности средств производства для всех, надлежащему вознаграждению за труд, росту производства, развитие науки – к улучшению качества продукции, моральное развитие – к естественному справедливому распределению. Будет распространяться знание и восстановится религия.

Несмотря на радикализм демократических идей де Ламенне, многие его ценности оставались консервативными. Он писал, что состояние общества изменится не сразу, резкие изменения связаны с насилием, которое, вместо преобразования, разрушит общество [14, р. 168–171]. Консервативным было и его отношение к семье. Атака против брака, его единства и святости – это нарушение законов природы, писал он. Дети усваивают нрав, добродетели и пороки родителей. Дети обязаны заботиться о родителях в старости. Семья, говорит де Ламенне, так

же постоянна, как общество, она его первичный элемент [14, р. 111–126].

Де Ламенне считает, что все люди – члены одного тела и должны быть движимы одной душой, относиться к каждому, как к своей плоти. Повторяя рассуждения Василия Великого [1, с. 630], де Ламенне указывает на обязанности человека: «Если твой брат голоден, ты должен ему еду, в которой он нуждается; если он наг, лишен крыши, дома, ты должен ему одежду и приют, если он болен, ты должен ему заботу». Де Ламенне призывает «бороться с несправедливостью по отношению к другому с той же твердостью и постоянством, как если бы она была направлена на вас». Он пишет: «Пусть сирота найдет в тебе отца, вдова и старик – опору, странник – гостеприимного хозяина. Будь глазами незрячим и ногами хромым». Всякий, по мнению де Ламенне, должен поддерживать ближних, чтобы те могли предоставить поддержку в ответ. Уважать жизнь, свободу, ответственность других, помогать ближним сохранять и развивать их [14, р. 107–109].

Общества, по де Ламенне, могут быть легитимны и процветать, только если они основаны на равенстве и братстве [14, р. 130], взаимном доверии, честности и моральном поведении, а также на мудрой экономии. Несправедливость и недобросовестность, праздность и невоздержанность разрушают общество [14, р. 164–165]. Создание привилегированных классов означает преступный захват власти. Чтобы знать, каковы законы, говорит де Ламенне, стоит взглянуть, кем они сделаны. Если их создают немногие, то они будут действовать в пользу немногих [14, р. 132–133], давать богатым выгоду от труда бедных, которые становятся еще беднее [14, р. 171]. Для торжества демократии нужен баланс между богатыми и бедными [21, р. 94]. Когда народ восстановит свои права, общество должно быть организовано так, чтобы «каждый, преследуя собственный интерес в рамках общего блага, был всегда готов посвятить себя всем членам общей семьи, которые, в свою очередь, также готовы посвятить себя каждому» [14, р. 37]. Человечество не может существовать без взаимного обмена благами, необходимо объединяющее действие закона милосердия, пишет он [14, р. 44]. Человек должен отождествлять себя с ближним, не только воздерживаться от зла, но и творить благо, помогать ближним. Страдания на земле неизбежны, но они должны облегчаться [14, р. 91–106].

Де Ламенне был первым представителем социального католицизма [21, р. 95]. Круг его сторонников в 1830-е гг. был достаточно широк. Он затрагивал социальные и политические проблемы, получившие особую актуальность во второй половине XIX в. [21, р. 148], в частности, запрос на католическую партию [21, р. 85] и попытки католиков примирить рабочих и работодателей, одновременно содействуя укреплению церкви. Его рассуждения на столетие предвосхитили становление движений христианских демократов. В основном пожелания де Ламенне сводятся к неопределенной благотворительности, то есть проблемы он формулировал яснее, чем их решения. Он не предлагал проводить перераспределение от имущих к неимущим [14, р. 171], его идеи о реформах включали в себя развитие местного самоуправления, отделение церкви от государства, улучшение образования и благосостояния масс. Он говорил о необходимости щедрости, отказе от эгоизма. Реальных контактов с народом Ламенне не имел [21, р. 91–96], в отличие от Ле Пле, который выстроил свою теорию на основе многочисленных интервью с рабочими в нескольких странах Европы.

Ле Пле получил техническое образование и совмещал свои социальные исследования с изучением металлургии и горного дела. В отличие от де Ламенне, он не менял взгляды, к которым пришел в ходе первых экспедиций для сбора сведений о жизни рабочих. Хотя он не использовал строгий статистический инструментарий [13, р. 424], его методология предвосхитила позитивистский подход. Опираясь на идеи Декарта, Ле Пле разработал научный метод наблюдения и сбора социальных данных [10, р. 77] и строил обобщения о политических, социальных и экономических закономерностях [6, с. 10]. Ле Пле также имел опыт организационной работы: по его инструкциям трудилось 45 000 человек на предприятиях на Урале, которые он посещал во время своей экспедиции в Россию [13, р. 412].

Ле Пле не признавал насилие и потому не принимал революцию 1789 г. [10, р. 110], хотя к революции 1848 г. отнесся скорее с симпатией, работал в комиссиях по положению рабочих и высшему образованию [10, р. 13], разрабатывал систему подготовки госслужащих [9]. В 1860-е гг. участвовал в комиссиях по местному самоуправлению, промышленности, жилью, трудовым отношениям [10, р. 71], был сенатором [10, р. 17]. После революции 1848 г. Адольф Тьер за-

прашивал у Ле Пле создание проекта социальной реформы, а незадолго до конфликта Франции с Пруссией Ле Пле обсуждал с Наполеоном III варианты решения социальных проблем. Он получал просьбы распространять свое учение и написал книгу «Социальная реформа», а в 1872 г. учредил «Союзы социального мира» для выстраивания отношений между работодателями и работниками [13, р. 413–417] одновременно с другими известными корпоративистами – графом Альбером де Меном и маркизом Ла Турдю Пенем [19, р., 15].

Книга «Социальная реформа» содержит анализ лучших практик как ориентиров для преобразований. Суть реформы Ле Пле определяет как восстановление обычаев времен процветания и подражание обычаям образцовых обществ [15, р. LXXIX]. Он цитирует Библию, Токвиля, Монтескье. Его рецепты близки к английскому консерватизму и предполагают ограничение полномочий государства и обуздание страстей с помощью христианской морали. Модели реформ Ле Пле берет из протестантских стран, предлагая децентрализацию, местные суды, приватизацию, в том числе школ, дерегулирование. Литературный критик Сен-Беве называл Ле Пле «обновленным, прогрессивным и научным Бональдом», хотя сам Ле Пле прочитал Бональда, лишь услышав это мнение Сен-Беве [9]. В рассуждениях Ле Пле есть ряд общих с де Бональдом идей, кроме сильного монархизма. Ле Пле скорее следует за Буленвилье, подчеркивая роль аристократии. И Ле Пле, и де Бональд говорят о собственности как гаранте социальной стабильности. Ле Пле называет естественную аристократию, наиболее влиятельные семьи в той или иной общине, «социальными властями» и повторяет идеи Бональда о важности заботы феодала о подданных. Вслед за Томасом Карлейлем Ле Пле утверждал, что ответственность руководителей за благосостояние подчиненных – это главное условие общественного мира. Руководители должны гарантировать подчиненным прожиточный минимум и не могут, как то советуют английские экономисты, оставить их на произвол экономических законов [10, р. 109]. Отношение к труду лишь как к товару, на который действуют законы спроса и предложения, создает пауперизм и конфронтацию между классами. Ле Пле указывает, что англичане разрушили патриархальные связи между работником и мастером. Они опирались на ложные теории и считали, что производство

улучшится при сокращении социальных обязательств [17, р. 163–164]. Ле Пле считал, что английские законы о бедных неэффективны, а также не могут быть единственной защитой от голода в условиях нестабильной экономики [10, р. 89]. Из-за развития промышленности и перемещения в города работники лишились приемлемого жилья, церкви, школ, периодически теряли работу из-за кризисов, пострадала мораль работников, и даже при росте зарплат они оставались в нищете из-за приобретенных дурных привычек. Работники оказались вне общих законов, утратили выгоды религии, собственности и семьи [17, р. 159–164]. По мнению Ле Пле, важнейшее качество руководителя – предусмотрительность, для сохранения рабочих во время экономического спада [10, р. 127]. Он равно не доверял *laissez-faire* и излишнему госрегулированию [10, р. 100], хотя допускал выгоды от вмешательства государства [10, р. 43] и поддерживал британские фабричные законы [10, р. 91], ужесточившие требования к безопасности производства и ограничивавшие рабочие часы.

По наблюдениям Ле Пле, на Востоке из-за косвенных благ благосостояние и защищенность были выше при более низких зарплатах. Он упоминает Россию, где крепостные получали от помещиков землю, право использовать лес для охоты, рыбалки и заготовления древесины, от церкви – образование, медуслуги и помощь. Пожилых и немощных защищали феодалы и семьи [10, р. 80–85]. Семья – важнейший элемент социальной философии Ле Пле. Он критиковал французский закон, ограничивавший права разделения собственности между наследниками, за вред мелким землевладельцам и подрыв авторитета отцов [10, р. 74]. Отцовская власть, по мнению Ле Пле, сохраняла обычай. Из-за недоверия к человеческой природе Ле Пле видел в традициях защиту от социальных катастроф. Социальный мир достигается правящей элитой, заинтересованной в общем благе. Прогресс или упадок народов не предопределен. Если аристократия могла сохранять общество во время изменений, то эти изменения могли пойти на благо, пишет он. Хотя Ле Пле был убежден, что социальный мир обеспечивался иерархической системой [10, р. 105–109], он поддерживал меритократию, а не привилегии [10, р. 41], в отличие от Буленвилье. Он писал, что здоровые общества связывают почести и социальные преимущества не с богатством, но с полезными

функциями, предопределившими возвышение тех или иных семей [16, р. 191].

Обобщения Ле Пле выводит из опыта Швеции, которая, по его мнению, лучше других стран позаботилась, чтобы вызовы индустриализации меньше затрагивали работников. Работники были свободны, но и защищены. Государство вмешивалось, но умело. Сочеталось промышленное производство и мелкая земельная собственность [10, р. 87]. По мнению Ле Пле, работодатель должен был заботиться о работниках, обеспечивать проживание, образование, больничные и пенсию [10, р. 30]. Попечение должно было распространяться и на всех жителей общины, зависевшей от его фабрики [10, р. 47]. Предложения социальной реформы Ле Пле включали в себя использование постоянных, а не краткосрочных контрактов, договоренности о зарплатах по обычаю, а не рыночному торгу, защиту от выселения и защиту для женщин, диверсификацию экономики, обязательные страховые и сберегательные схемы. Последние, по сведениям Ле Пле, обеспечивали большую часть сбережений рабочих [10, р. 116]. По его мнению, задачей работодателя было поддерживать дисциплину и мораль [10, р. 48]. Он считал, что обществу нужны как большой бизнес – для развития технологий, так и малый – для социального мира. Государство могло бы достичь баланса, распределяя контракты. Он предпочитал малые компании, поскольку считал, что цель работы – добродетель, а не богатство [10, р. 112–113], и настаивал на дисциплине низкого потребления [10, р. 108]. Цель цивилизации он видел в росте интеллектуального и морального наследия [10, р. 48]. Ле Пле отмечал разрыв между развитием технологий и морали. Сильнейшим средством социального контроля была сила обычая, и угроза промышленного строя состояла в том, что он сокрушал обычай [10, р. 101–102]. От бедности исторически защищали патриархальность, когда молодые семьи опекались старшими, общинная собственность и контроль руководителей [17, р. 168]. Нищета на Западе – следствие упразднения этих факторов [17, р. 156].

Две силы – свобода и равенство – действуют в противоположных направлениях, указывает Ле Пле: экономическая свобода усиливает неравенство. Ле Пле пишет: «В наше время один из главных источников неравенства исходит из свободы, вносимой без поправок, вытекающих из морального закона, в отношения собствен-

ности и труда. Эта свобода проявилась, прежде всего, в обособлении различных классов. Превеличенное и часто усиленное неслыханными революциями, оно в настоящее время создало в Европе неравенство, невиданное при старых социальных режимах». Пауперизм как тип неравенства [17, р. 154] – это рана, вызванная грехами руководителей и рабочих, а ее исцеление – в объединении и уважении к моральному закону, а не материальному механизму взаимной выгоды [17, р. 16]. Ле Пле говорит, что руководители должны помнить об обязательствах, связанных с их привилегиями, и обеспечивать нуждающихся хлебом насущным [6, с. 107]. Из-за неисполнения элитами обязательств многие жители Британии обнищали до варварского состояния, повторяет Ле Пле мысль Бенджамина Дизраэли [17, р. 164]. Французская революция – следствие утраты знатью функции попечения о подданных, убежден Ле Пле [6, с. 214]. Он указывает на природное неравенство между людьми и отмечает, что предусмотрительность и умеренность сильных могут превращаться в жестокосердие, гордыню и эгоизм [17, р. 136–137], когда они забывают о необходимости следовать нравственному закону, что приводит к расколу общества [6, с. 71–72]. По мнению Ле Пле, выполнение заповедей декалога необходимо для благосостояния общества, наряду с экономической свободой, невмешательством властей [6, с. 102] и семейной собственностью [6, с. 207].

Как и де Бональд, Ле Пле считает, что семейное воспитание – наиболее значимое, поскольку передает базовые ценности, а именно трудолюбие, умеренность, бережливость, уважение к преданию предков, заботу о потомстве, привязанность к семейной собственности [6, с. 33]. Ле Пле относится к идее всеобщего обязательного образования отрицательно. Он предвосхищает логику американского консерватизма XX в. и говорит, что оплаченное из налогов неправильно называть бесплатным. Если образование бесплатно, это значит, что за него налогами заплатили не только богатые, что могло бы считаться справедливым, но и бедные. В отличие от де Бональда Ле Пле не поддерживает государственное вмешательство в образовательные программы, называя его подавляющим. Он считает, что школы появляются спонтанно, когда на производстве возникает потребность в грамотных рабочих. Ле Пле пишет: «Свободные инициативы и финансовая заинтересованность семей будут более эффек-

тивны в этом вопросе, чем обязательность и свободный доступ» [17, р. 84–85]. Вслед за де Бональдом Ле Пле поддерживает идею свободных корпораций, занимающихся образованием, и указывает на американские университеты как положительный пример [17, р. 98]. Он приветствует закон, разрешавший участие католических конгрегаций в образовании [9]. Также Ле Пле развивает идею де Бональда и утверждает, что священник значит для воспитания больше, чем школьный учитель, а обучение ремеслу в ходе трудовой деятельности важнее усвоения теорий в школе [17, р. 62–65]. Ле Пле пишет: «Предвидение не есть природная предрасположенность... но зависит от практики жизни. Среди господствующих причин, которые указывает наблюдение, мы должны поставить на первое место воспитание, данное семьей и профессией, привычки, переданные учреждениями и нравами, и, прежде всего, побуждения свободной воли, данные нравственным законом» [17, р. 132–133]. Моральные силы, происходящие из религии, собственности, семьи, труда и ассоциации, формируют умы и подавляют зло [17, р. 153]. Академическое же образование без социального дает ложные идеи, разрушающие общество [10, р. 111]. Вслед за Монтескье [9], Берком и де Местром Ле Пле говорит, что обычаи при управлении обществом эффективнее законов. Христианство примиряет, поощряя предусмотрительность и любовь к ближнему [17, р. 137]. Чтобы религиозная проповедь обеспечивала результат, следует опираться не на ограничения, как при старом режиме, рассуждает Ле Пле, а на целеустремленность и моральную высоту миссионеров [17, р. 41].

Религиозность Ле Пле была скорее ветхозаветной. Люди нуждаются в хлебе насущном и моральном законе, уверен он [10, р. 118]. Исполнение закона десяти заповедей обеспечивает и каждой семье, и всему обществу мир [6, с. 210], то есть покорность Богу и родителям, наличие насущного хлеба [6, с. 152], почтительные отношения работодателей и подчиненных [6, с. 206]. Если же общество оставляет закон Бога, оно теряет гармонию, благосостояние и безопасность [15, р. LXXX]. Патриархальные отношения защищают закон, священники в нем наставляют, власти – следят за его исполнением и наказывают за неисполнение. Пока все верны своему долгу, общество благоденствует, иначе наступает состояние бедственное или даже гибельное, пишет Ле Пле [6, с. 211].

В отличие от Руссо Ле Пле считает, что человек изначально склонен ко злу и воспитание должно учить его избегать дурного [6, с. 26]. Молодежь больше уязвима для порока [10, р. 119]. Авторитетный пример морального поведения – лучшее средство для сохранения добра и исправления зла в обществе [6, с. 37], пишет он. Как и консерваторы начала XIX в., Ле Пле критикует философов за убежденность во врожденном совершенстве человеческой природы, пренебрежение к преданию, веру в непрерывный общественный прогресс и борьбу против основ общественного строя [6, с. 193]. Ле Пле категорически не согласен с правом на восстание и говорит, что революция создала мятежный дух, который привел к всплеску насилия [6, с. 186] и подорвал благотворное воздействие духа покровительства [6, с. 211]. Правитель терял право на власть из-за коррупции, но это не давало права на восстание, считал Ле Пле [10, р. 110]. Человек склонен злоупотреблять властью, богатством, знанием, примером чего была пропаганда права на восстание. [10, р. 101]. «Напрасно ложные друзья дают рабочим надежду на возможность улучшить свое положение без поддержки господствующих классов», – пишет Ле Пле [17, р. 17]. Они винят высшие классы за эгоизм и хотели бы наложить на них обязательства помогать, отказав им в праве направления и контроля [17, р. 162]. Большинство всегда недалековидно и инстинктивно подчиняется предусмотрительному меньшинству, которое любит труд, производящий богатство, и умеет сберечь [17, р. 132–135]. Ле Пле указывал, что революция рушила неформальные нити, укрепляя репрессивные внешние структуры общества [10, р. 117].

В отличие от де Бональда Ле Пле не предполагает большой роли государства в социальной политике, хотя и указывает, что защита нуждающихся – ключевая функция государства [6, с. XXVII]. Он пишет, что при любой социальной организации необходимо помогать тем, кто не может обеспечивать свои семьи. На Востоке эта проблема решается принудительными обязательствами, а на Западе – добровольными [17, р. 4]. Ле Пле симпатизировал самоорганизации рабочих и профсоюзам [10, р. 89], но корпоративную социальную политику поддерживал только отчасти. Он писал: «Корпорации, предназначенные для помощи несчастным, необходимы... но они далеко не полностью полезны. Некоторые из них даже

усугубляют вред, придавая бедности эндемический характер и маскируя настоящие средства исцеления паллиативами... Корпорация, не знающая подробностей жизни семей, которым нужно помочь, во многом остается бессильной». Бюрократизация помощи уничтожает ее главный социальный смысл, рассуждает он, поскольку богатый, финансируя благотворительные организации без контакта с нуждающимися, теряет сочувствие к бедным, а бедный не может отплатить организации почтением и благодарностью. Корпорации тратят на административные вопросы средства, предназначенные получателям [17, р. 8–10]. Семейную помощь больным и немощным он считает естественной и наилучшей [18, р. 228], поскольку корпорации, в том числе религиозные, скорее вредят, когда берут на себя те обязательства, которые должна выполнять семья [6, с. 217], и особенно когда приобретают привилегии [17, р. 3]. Также социальная активность корпораций делает бедность нормой [17, р. 8], позволяя выживать без труда. Ле Пле отмечает положительный вклад обществ трезвости [17, р. 46], а наилучшим вариантом корпоративной помощи считает содействие работодателей в приобретении работником собственности [17, р. 12]. Государство, убежден он, должно предоставлять поддержку только тогда, когда не срабатывают механизмы семьи или корпораций [6, с. 44]. Один из вариантов – организация домов для душевнобольных [18, р. 229]. Исправление социальных бедствий, по мнению Ле Пле, возможно лишь если восстановится соблюдение нравственного закона, а рабочие будут следовать примеру достойных руководителей, станут собственниками и будут избавлены от тягот бедности [17, р. 18]. Хотя Ле Пле приводит пример Средних веков как эпохи социального мира, когда благосостояние низших классов гарантировалось взаимной зависимостью руководителей и работников, обязанностями работодателей по помощи семье работника [15, р. LXXV], он не призывает вернуть феодализм полностью, что разрушило бы свободу труда [17, р. 23] и исключило бы превращение всех семей в собственников, но полагает, что свободу капитализма с безопасностью феодализма могло бы примирить умелое лидерство [10, р. 103].

Ле Пле называли звеном между доиндустриальным обществом и социальным государством. Наиболее близок он был к британским

тори-филантропам первой половины XIX в., которые, выражая недоверие к государству, использовали его, чтобы снизить вред от неограниченного индивидуализма, и объединились с радикалами, чтобы принять фабричные законы [10, р. 117–118]. Ле Пле повлиял на британского социолога Чарльза Бута, известного исследователя положения бедных в Англии начала XX в. [10, р. 135]. Рассуждения Ле Пле об обязанностях руководителей, учете неформальных структур, ответственности промышленности за формирование общества повлияли на Элтона Мэйо и американскую бизнес-школу [10, р. 138–139]. Буасезон отмечает, что американский консерватор Роберт Низбет, сторонник местного самоуправления, фактически повторял Ле Пле. Некоторые патриархальные идеи Прудона и Ле Пле похожи [9]. Ле Пле симпатизировал идеям Фурье о малых независимых кооперативных коммунах [10, р. 7]. Социализм и Маркса Ле Пле критиковал за мнение, что конфликт между работодателями и работниками неизбежен [10, р. 115].

Между подходами де Ламенне и Ле Пле существует ряд различий, в том числе в философских и методологических основаниях их социальных и политических учений. Де Ламенне отсылает к идее общественного договора, а Ле Пле опирается на наблюдения за бытом различных обществ. Де Ламенне апеллирует к Евангелию, а Ле Пле – к декалогу. Де Ламенне использует категории Руссо об общей воле и главным актором считает общество, а для Ле Пле основной субъект социальных процессов – это семья. Оба указывали на фундаментальную роль семьи, оба были скептически к организованной благотворительности, а Ле Пле уточнял, что функции базовой социальной защиты должна выполнять семья, обладающая собственностью. И де Ламенне, и Ле Пле критикуют эгоизм и убеждены в том, что благосостояние общества зависит от следования нравственным законам, в первую очередь, милосердия. Оба автора, критикуя британский либерализм за разрушительное воздействие принципа *laissez-faire* на общество, защищали свободу экономической деятельности. И де Ламенне, и Ле Пле говорили о необходимости правильного функционирования учреждений для противостояния злу. Де Ламенне полагал, что для решения социальных проблем требуется радикальное переустройство общества, демократизация институтов и устранение противодействия злону-

меренных акторов, что обеспечит работу естественных законов. Ле Пле указывал на личную ответственность и выполнение вышестоящими своих обязательств по отношению к нижестоящим в рамках сложившейся иерархии, и считал бунты недопустимыми. Оба автора предлагают не столько конкретные рецепты, сколько общую схему преобразований – восстановление феодального патернализма у Ле Пле и демократизацию у де Ламенне.

Благодаря де Ламенне и Ле Пле возросла роль социальной тематики в политической философии Франции. Если Ле Пле следовал за де Бональдом и Буленвиле, защищая корпоративную ответственность, то де Ламенне повторял идеи Руссо, что общественные проблемы решит демократизация и торжество «общей воли». Активность де Ламенне и Ле Пле предшествовала развитию социальной доктрины католической церкви и становлению социального государства во Франции. После де Ламенне о социальном служении церкви рассуждал Эмиль Келлер, а корпоративные идеи Ле Пле отчасти повторяли граф Альбер де Мен и маркиз Ла Тур дю Пен. Сочетание двух подходов – идеи нравственной ответственности и исполнения религиозных предписаний и идеи обеспечения социального мира через исполнение руководителями своих обязательств – определило особенности социальной политики во Франции, сохраняющиеся по сей день, то есть этику солидарности при обосновании мер поддержки, множество субъектов и программ, семейную помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василий Великий. Творения: в 2-х т. Т. 1. Москва: Сибирская благовонница, 2009.
2. Захарченко О.В., Иванова Т.Н. Оценка идей французского проповедника Ламенне в трудах С.А. Котляревского // Исторический поиск. 2020. Т. 1. № 1. С. 66–74.
3. Иоанн Златоуст. Творения: в 12-ти т. Т. 12. Кн. 2. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1906.
4. Ламенне Р. Слова верующего к народу. СПб., 1873.
5. Ламенне Р. Современное рабство. Нижний Новгород: Сеятель, 1905.
6. Ле Пле Ф. Основная конституция человеческого рода. М.: Синодальная типография, 1897.
7. Смирнов Д.В. Ламенне // Православная энциклопедия. Т. 39. М.: Православная энциклопедия, 2015. С. 735–743.

8. Aimé, R., 2016. Lamennais. Le révolté, 1782–1854. Perpignan: Artège.

9. Boissezon, J.-L.C., 2007. La réinvention du conservatisme Le Play dans l'histoire des idées politiques. In: Savoye, A. and Cardoni, F. eds., 2007. Frédéric Le Play: parcours, audience, héritage. Paris: Presses des Mines, pp. 113–156.

10. Brooke, M.Z., 1970. Le Play: engineer and social scientist: the life and work of Frédéric Le Play. London: Longman.

11. Duroselle, J.-B., 1951. Les débuts du catholicisme social en France, 1822–1870. Paris: Presses Universitaires de France.

12. Gubert, R. and Tomasi, L. eds., 1994. Le catholicisme social de Pierre Guillaume Frédéric Le Play. Milano: Franco Angeli.

13. Higgs, H., 1890. Frédéric Le Play. The Quarterly Journal of Economics, Vol. 4, no. 4, pp. 408–433.

14. Lamennais, F., 1839. People's own book. Boston: C.C. Little & J. Brown.

15. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 1. Tours: Alfred Mame et fils.

16. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 2. Tours: Alfred Mame et fils.

17. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 3. Tours: Alfred Mame et fils.

18. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 4. Tours: Alfred Mame et fils.

19. Martin, B.F., 1978. Count Albert de Mun: Paladin of the Third Republic. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

20. Nouvel, M., 2009. Frédéric Le Play. Une réforme sociale sous le Second Empire. Paris: Economica.

21. Stearns, P.N., 1967. Priest and revolutionary: Lamennais and the dilemma of French Catholicism. New York: Harper and Row Publishers.

REFERENCES

1. Basil of Caesarea, 2009. Tvoreniya: v 2-kh t. T. 1 [Works: in 2 vols. Vol. 1]. Moskva: Sibirskaya blagovonnitsa. (in Russ.)
2. Zakharchenko, O.V. and Ivanova, T.N., 2020. Otsenka idei frantsuzskogo propovednika Lamenne v trudakh S.A. Kotlyarevskogo [The evaluation of the ideas of the French priest Lamennais in the works of S.A. Kotlyarevskiy], Istoricheskii poisk, Vol. 1, no. 1, pp. 66–74. (in Russ.)
3. John Chrysostom, 1906. Tvoreniya: v 12-ti t. T. 12. Kn. 2 [Works: in 12 vols. Vol. 12. Book 2]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya. (in Russ.)

4. Lamennais, F., 1873. Slova veruyushchego k narodu [Words of a believer]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
5. Lamennais, F., 1905. Sovremennoe rabstvo [Modern slavery]. Nizhny Novgorod: Seyatel'. (in Russ.)
6. Le Play, F., 1897. Osnovnaya konstitutsiya chelovecheskogo roda [The essential constitution of humanity]. Moskva: Sinodal'naya tipografiya. (in Russ.)
7. Smirnov, D.V., 2015. Lamenne [Lammenais]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 39. Moskva: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2015, pp. 735–743. (in Russ.)
8. Aimé, R., 2016. Lamennais. Le révolté, 1782–1854. Perpignan: Artège.
9. Boissezon, J.-L.C., 2007. La réinvention du conservatisme Le Play dans l'histoire des idées politiques. In: Savoye, A. and Cardoni, F. eds., 2007. Frédéric Le Play: parcours, audience, héritage. Paris: Presses des Mines, pp. 113–156.
10. Brooke, M.Z., 1970. Le Play: engineer and social scientist: the life and work of Frédéric Le Play. London: Longman.
11. Duroselle, J.-B., 1951. Les débuts du catholicisme social en France, 1822–1870. Paris: Presses Universitaires de France.
12. Gubert, R. and Tomasi, L. eds., 1994. Le catholicisme social de Pierre Guillaume Frédéric Le Play. Milano: Franco Angeli.
13. Higgs, H., 1890. Frédéric Le Play. The Quarterly Journal of Economics, Vol. 4, no. 4, pp. 408–433.
14. Lamennais, F., 1839. People's own book. Boston: C.C. Little & J. Brown.
15. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 1. Tours: Alfred Mame et fils.
16. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 2. Tours: Alfred Mame et fils.
17. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 3. Tours: Alfred Mame et fils.
18. Le Play, F., 1878. La Reforme sociale en France: in 4 vols. Vol. 4. Tours: Alfred Mame et fils.
19. Martin, B.F., 1978. Count Albert de Mun: Paladin of the Third Republic. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
20. Nouvel, M., 2009. Frédéric Le Play. Une réforme sociale sous le Second Empire. Paris: Economica.
21. Stearns, P.N., 1967. Priest and revolutionary: Lamennais and the dilemma of French Catholicism. New York: Harper and Row Publishers.